

А

В. Ф. Ходасевич

Два поэта

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Молодая зарубежная поэзия понесла две утраты -- одну за другой: 21 ноября 1934 года, вечером, на станции метро "Пастер" был убит проходившим поездом Н. П. Гронский; меньше чем через год после этого, 8 октября 1935 года, при трагических обстоятельствах, погиб Б. Ю. Поплавский. Сейчас передо мною лежат посмертные сборники их стихов, недавно вышедшие: "Снежный час" Поплавского и "Стихи и поэмы" Гронского.

Литературные судьбы этих поэтов неодинаковы. Поплавский родился в 1903 году, а Гронский в 1909-м. В столь юном возрасте шестилетняя разница довольно значительна. Поплавский начал печататься в 1927 году, а в 1931-м вышел первый сборник его стихов -- "Флаги". Гронский при жизни почти не печатался -- только три его стихотворения были изданы отдельным листком в Ковно. Он умер, подготавливая к печати первую свою книгу, и, таким образом, его дебютный сборник оказался посмертным. Поплавский был лично и поэтически хорошо известен литературным кругам. О нем знали даже некоторые представители нашей читающей (или, лучше сказать, -- нечитающей) публики. Гронский знаком был только ближайшим своим друзьям. Пишущий эти строки должен признаться, что не слышал о нем до самого дня его смерти. Таким образом, если бы дело шло о двух авторах, благополучно здравствующих, книги Гронского и Поплавского оказались бы несопоставляемы, критику пришлось бы их отнести к разным рубрикам. Вторую книгу Поплавского следовало бы сравнить с первой, а о Тройском писать как о новом знакомце и дебютанте. Смерть, однако, смешала все эти литературные карты. К несчастью, мы имеем уже полные (или, может быть, почти полные) собрания поэтических сочинений как Гронского, так и Поплавского. Нам даны два поэтических образа, сопоставление которых становится законно, поскольку к ним уже ничто не прибавится. Нужно заметить, однако, что эти образы остались незаконченными. Поэтому, хотя уже не осуществляются обещания, заложенные в несомненном и выдающемся даровании Гронского, и хотя оказался оборван внутренний путь, наметившийся в поэзии не менее одаренного Поплавского, -- хотелось бы мне коснуться возможностей того развития, которому не суждено стать реальностью, но которое, на мой взгляд, успело уже довольно отчетливо обозначиться в творчествах Гронского и Поплавского. Хотелось бы мне представить себе, как в дальнейшем сложились бы их поэтические судьбы, если бы им не суждено было пасть "в начале поприща".

Без особенного труда можно назвать главных учителей, оказавших прямое влияние на каждого из названных поэтов. Для Поплавского такими учителями были, как в свое время уже отмечалось критикой, Блок и А. Рембо. В поэзии Гронского справедливо отмечали влияние, с одной стороны, -- Державина, изучением которого он специально занимался в университете, с другой стороны -- Марины Цветаевой. Последнее, впрочем, мне кажется более глубоким и органическим. К этим двум именам, однако, я считаю необходимым прибавить третье: во многих стихах, и особенно в поэме "Белладонна", в лучшем и "центральном" произведении Гронского, словесный материал, отчасти архаизированный и носящий следы державинской лексики, подвергнут глубокой ритмической обработке в духе Андрея Белого, именно -- в духе "Первого свидания". К тому же "Первому свиданию" восходят многие интонационные ходы поэмы, тесно связанные с характерно беловской инструментовкой.

Исполнен черною тревогой,
Ломает воздух шестистивист
В стране, где искушает Бога
Любовник смерти альпинист...

И далее:

С тех пор, как под хрустальной твердью
Бог караванов слышит ход,
Здесь двое гибнут горной смертью